

17. Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани // 1 ПСЗ. Т. XXIV. № 18273. – СПб., 1830. – С. 821-823.
18. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях // 1 ПСЗ. Т. XXV. № 18726. – СПб., 1830. – С. 426-431.
19. Макарий (Булгаков), иером. История Киевской духовной академии. – СПб., 1843.
20. Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855.
21. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – СПб., 2001.
22. Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. – М., 1867.
23. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. Т. 1. – М., 2002.
24. Сухова Н.Ю. Богословские науки в российских университетах – традиция и перспективы // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 326-344.
25. Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав Императорского Московского университета // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. № 21498. – СПб., 1830. – С. 570-589.
26. Полетаев Н.И. К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. – 1889, № 8. – С. 514–541.
27. Глубоковский Н.Н. Начало организованной духовной школы // Богословский вестник. – 1917, Т. II, № 6/7. – С. 75-92.
28. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX веке: В 2 т. Т. 1. – Вильно, 1908. – 385 с.
29. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб., 1870. – 775 с.
30. Толстой Д.А. Академический Университет в XVIII в., по рукописным документам Архива Академии наук. – СПб., 1885. – 114 с.
31. Устав православных духовных училищ, Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXII. № 25673. – СПб., 1830. – С. 910-954.
32. О усовершеннии Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства. Именной указ императора Александра I от 26 июня 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXX. № 23122. – СПб., 1830. – С. 368-395.

N. Sukhova

EPOCH OF ALEXANDER AND ECCLESIASTICAL REFORM OF 1808–1814

Abstract. The article is devoted to the important stage in a history of ecclesiastical education in Russia — reform 1808—1814. The main results of this reform: complete stably working ecclesiastical-educational system included in uniform scientific-educational space of Russia, and also special type of a higher school –ecclesiastical academy combining theological and classical-arts education. The author analyzes features of development of the Russian spiritual school, preconditions, historical context, basic ideas and consequences of the carried out reform.

Key words: the Russian ecclesiastical education, orthodox ecclesiastical academies, reform.

УДК 355(470) «1812»

Джесюпов Э.С.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА*

Аннотация. В статье рассматриваются история национальных воинских формирований в Русской армии. Особенности их формирования, вопросы вооружения, структуры, обучения военному делу. Национальные воинские формирования в данной статье представлены башкирами и калмыками, которые несли военную службу в русской армии на протяжении длительного времени, а в Отечественной войне 1812 г. были наиболее массовым явлением среди инородцев, сформировавших свои полки для борьбы с наполеоновской Францией.

Ключевые слова: национальные воинские

формирования, башкиры, калмыки, иррегулярная кавалерия.

Первая четверть XIX в. – наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории нашего государства. Центральным событием этой эпохи, безусловно, является Отечественная война 1812 года. Это первая война за национальный суверенитет, получившая в отечественной истории определение Отечественной войны.

«Победам 1812-1814 гг. предшествовал целый ряд войн, в которых русские войска, при всех их высоких качествах, не могли остановить

* © Джесюпов Э.С.

продвижение наполеоновской армии по Европе. Войны стали национальными, в них включились широкие народные массы. Армии стали гораздо более многочисленными за счет фактического введения всеобщей воинской повинности. Одним из проявлений сил народа стало создание многочисленных регулярных резервных формирований и ополчений» [3, с. 123].

Особое место в русской армии 1812 года занимали казачьи войска и другие иррегулярные национальные части (наиболее многочисленные – башкирские и калмыцкие). Последние призывались на службу только в военное время.

Так, в 1812 г. численность иррегулярных формирований в составе русских войск насчитывала 80 тыс. человек, а численность регулярной пехоты и кавалерии составляла соответственно 381 тыс. и 79 тыс. человек [3, с. 123]. Таким образом, численность иррегулярных формирований была сопоставима с численностью всей кавалерии русской армии.

Поскольку иррегулярные национальные формирования по первому требованию выставляли свои части в полной боевой готовности, закономерным видится вопрос их структуры, боевой подготовки, вооружения. На основе изучения различных источников, автор пришел к выводу, что вопросы традиционной подготовки будущих воинов у неславянских этносов были практически идентичны, различия заключались в экономических, политических, этносоциальных аспектах и различных исторических условиях жизни конкретного народа в России. Например, калмыцкие полки, в отличие от башкирских, имели на вооружении огнестрельное оружие. Башкиры же в большей степени были вооружены луками и стрелами. Причина кроется в мероприятиях правительства по подавлению башкирских восстаний в XVIII веке, в частности, Указ от 11 февраля 1736 года запрещал башкирам иметь огнестрельное оружие, кузнецов и кузниц, продажа из других уездов ружей, пороха, свинца башкирам [8]. Этот указ, по сути, законсервировал процесс модернизации вооружения башкир и сохранил оружие средневековья для Отечественной войны 1812 года.

«Лишь с введением кантонной системы управления в 1798 году башкирам было разрешено иметь кузницы в кантонах, и соответственно огнестрельное оружие. Но такого короткого временного промежутка было явно недостаточно для массового вооружения огнестрельным оружием» [4, с. 64].

Разнообразным и порой экзотическим было вооружение башкирских полков. Оно представляло собой своеобразную смесь оружия средневековья и нового времени. Основным видом оружия у башкир были лук со стрелами и пика. Башкиры

мастерски стреляли на большое расстояние в цель. Стрела, выпущенная воином-башкиром, могла пронзить с 30 м не только человека, но и лошадь. На расстоянии 70 метров стрела пробивала дубовую доску в палец толщиной, на дистанции 100 метров лук по точности боя не уступал ружью, а полная дальноточность хороших луков достигала 200 метров.

Лишь небольшое число воинов имели сабли, и единицы – огнестрельное оружие и, как правило, оно являлось трофейными.

В официальных документах говорится, что башкиры должны были иметь оружие, «употребляемое по их обыкновению»: «ружья, пистолеты, сабли, пики и луки, кто, чем может, и навык употреблять, не требуя единообразия», «одежду дозволить им иметь по своему обычаю». В случае ношения казачьего мундира полагалось поощрение. Обычно в литературе указывается именно такой набор вооружения.

Башкиры в 1806-1807 гг. описаны целым рядом очевидцев. Д.В. Давыдов в своих записках описывал, что башкиры были «вооружены луками и стрелами» [9, с. 294-296]. На лук и стрелы, как на основное оружие, указывает и английский офицер Роберт Вильсон, находившийся в русской армии [5, с. 90-95].

Луки изготовлялись самими башкирами. Боевой сложный лук склеивался из двух половинок – березовой и еловой, и обклеивался снаружи берестой. Тетива делалась из крепкой конопляной бечевки или сухожилий. Луки были примерно 1,5 метра длиной и несильно выгнутые. Боевые стрелы состояли из железных наконечников широколопастной или ромбической формы и черенка. Помещались стрелы в колчанах острием вниз, по 15-30 штук в каждом.

Другим важным оружием воина-башкира была пика. Железные пики с глубокой втулкой насаживались на длинное древко. Башкиры великолепно владели пикой, которую всегда называли царицей холодного кавалерийского оружия. Верхом на лошади башкиры наносили пикой смертельные удары по противнику.

Таким образом, можно с известной долей уверенности сказать, что башкиры периода наполеоновских войн – это воины, вооруженные луком со стрелами, пиками, незначительное число имели сабли и лишь единицы ружья, тем более пистолеты. Вооружение и снаряжение башкир в 1812-1814 гг. было неизменным.

Необходимо отметить, что оружие, состоявшее на вооружении национальных воинских формирований, стоило очень дорого и, как правило, бережно хранилось в семье, переходило от отца к сыну; поэтому единого типа сабель, пик не было ни в одном национальном полку.

Рассмотрим вопросы структуры, боевой подготовки, вооружения национальных воинских формирований на примере калмыков.

На военное дело калмыков оказало глубокое влияние военная система России. Процесс трансформации вносил коренные изменения во все сферы: в структуру войска, вооружение и военно-тактическое искусство.

Комплектование войска осуществлялось на основе всеобщей воинской повинности. Необходимость выбора этого принципа исходила из нескольких факторов: во-первых, каждый улусный тайша [князь] стремился содержать постоянную дружину от возможных частых нападений соседних тайшей или других кочевых народов; во-вторых, находясь в вассальном положении от России, калмыцкие правители должны были постоянно поставлять свои военные силы для участия в войнах Российского государства; в-третьих, калмыцким ханам и тайшам необходимо было усиливать власть над рядовыми калмыками, и постоянное войско являлось для них важным средством удержания зависимых людей в вечном подданстве.

«Существование калмыцкого войска в форме легкой конницы и его устройство в виде улусно-родовых дружин являлось конкретным воплощением и выражением специфического социально-экономического уклада калмыцкого хозяйства и социально-политического строя с феодално-иерархической структурой. Иной формы устройства войска в описываемый период и не могло быть» [7, с. 186].

Калмыцкое войско использовало те же виды холодного оружия, что и до добровольного вхождения в состав России. Однако следует заметить, что с изменением положения калмыков, обусловленным новыми социально-политическими, экономическими факторами и внешнеполитическими связями, произошли заметные сдвиги в вооружении и материальном обеспечении войска. Прежде всего, в XVIII в. возрастает удельный вес огнестрельного оружия в калмыцком войске. Надо заметить, что оно употреблялось не только в индивидуальном порядке, но и являлось важным средством в осуществлении тактических задач в крупных боевых событиях.

Огнестрельным оружием калмыцкое войско обеспечивала российская администрация. Например, в статьях договора 1697 г., направленного на охрану калмыками южных рубежей России, подписанного Б.М. Голицыным и калмыцким ханом Аюкой, указывалось: «Русские должны дать ему (Аюке) пушки, также давать ему ежегодно 20 пудов пороху и 10 пудов свинцу» [7, с. 186]. В подобном документе за 1707 г. еще более конкретизируются виды артиллерийского оружия, выдаваемые калмыкам. Указом Верховного тайного совета от

17 января 1728 г. был узаконен для Калмыкии следующий перечень огнестрельного оружия и материалов: ружья, порох, свинец, а за определенную плату – сталь, железо и медь. Имеются также конкретные сведения, когда калмыцкое войско использовало пушки в бою. «В одном из столкновений калмыков с казаками в начале 20-х годов XVIII в. владелец Лабжа, сын крещеного тайши Назарова, сообщал о том, что “из пушек своих по ним стреляли”. По этому же поводу Бакунин писал: “А собственные пушки у Дорджи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах» [7, с. 186]. В 1725 г. калмыки использовали пушки и в сражении с отрядом каракалпаков. Но в Отечественной войне 1812 года вооружение калмыцких полков было аналогичным казакам.

Несомненно, главную материальную основу национальных войск составляли лошади. Коневодство являлось ведущей отраслью скотоводческих хозяйств. Поэтому обеспеченность войск лошадьми была полной. Именно поэтому в Манифесте императора для калмыков и башкир указывается, что все должны быть «о-дву-конь» [10], то есть каждый воин обязан был явиться на двух лошадях. Калмыцкая лошадь была небольшого роста – от 2 аршин до 2 аршин 3 вершков (1 м 42 см до 1 м 55 см), преимущественно гнедой и бурой масти, отличалась крепкой мускулатурой и выносливостью, голова несколько удлиненной, и горбатой, шея короткая с чуть заметным кадыком. Она способна была перенести голод, сильную жару, без отдыха и корма совершала 100-верстовый переход. Особенностью калмыцкого войска являлось полное отсутствие колесного обоза.

Вполне очевидно, что уровень скотоводческого хозяйства у кочевых народов не мог способствовать быстрому совершенствованию оружия. Но, с другой стороны, включение Калмыцкого ханства в орбиту внешних войн Российской империи в XVIII в., несомненно, оказывало определенное влияние на изменение вооружения.

Анализ материалов, связанных с привлечением калмыков к войнам России на протяжении XVIII в., позволяет установить четырехэтапную систему комплектования калмыцкого войска.

1-й. Направлялся царский указ о необходимости предоставления военной силы калмыков на театр военных действий, но возможность его реализации рассматривалась калмыцкими правителями. После этого хан давал царской администрации, чаще всего, положительный ответ.

2-й. Посылались на переговоры к хану военные представители высоких рангов для определения конкретных сроков сбора войска и конкретного количества отрядов и воинов.

3-й. Издавался ханский указ для улусных тайшей по поводу комплектования войска, с оп-

ределением численности воинов с улуса и указанием места сбора и маршрутов движения.

4-й. Исполнение указа улусными тайшами и аймачными зайсангами на местах.

Таким образом, комплектование Калмыцкого войска происходило на основе всеобщей мобилизации воинской обязанности мужского населения. Всеобщая мобилизация была связана с подготовкой калмыков к боевым действиям против беспокойных соседей, выполняя обязанности по кордонной службе, или со специальными царскими указами о привлечении калмыцкой конницы к военным кампаниям России.

Следует сказать о скорости исполнении высочайших указов и манифестов. Например, Высочайший указ «О составлении из калмык и башкир обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской губерниях конных пятисотенных полков...» был подписан Александром I 7 апреля 1811 года, а ответ Оренбургского военного губернатора князя Волконского о готовности полков убыть с места сбора к местам предназначений был составлен 9 мая. Причем, как видно из переписки, полки были готовы убыть с места сбора 25 мая 1811 года. Таким образом, можно сделать вывод о высокой организованности в вопросах формирования иррегулярных инородческих полков, оперативность в решении вопросов по формированию полков, снаряжению, запасу фуража и выдачи наличных денег [10].

«В середине и во второй половине XVIII века основной боевой единицей стал полк. Калмыцкое войско 60-х годов XVIII века состояло из 32 полков» [7, с. 188].

Полк делился на сотни и состоял из трех родов воинов: стрелков, вооруженных ружьями, которые во время боя сходили с коней и открывали ружейный огонь; лучников, которые, перестроившись в боевой порядок, засыпали противника стрелами; и конных копейщиков, решавших судьбу боя. В каждом полку был прапорщик и трубач.

Серьезное внимание калмыки уделяли боевой и физической подготовке всадника. Навыки искусной езды на лошади, умение владеть оружием прививались будущему воину с раннего детства. На основе личных наблюдений И. И. Лепехин писал: «Несколько подросших своих детей приучают пасти скотину, ездить верхом и стрелять из луков». Эти навыки необходимы были и в повседневной жизни калмыков, которая мало чем отличалась по своим условиям от походной жизни [6, с. 46].

Подводя итог вопросам структуры, боевой подготовки, вооружения, можно сказать, что веками выработанная система подготовки воина позволяла воспитывать отличных всадников. «Военный историк прошлого века генерал Потто отмечал: «По внешнему виду они (калмыки) были

загорелые брюнеты, сильные, малорослы, чрезвычайно быстры в движениях, увертливы, необычайно дальнзорки, при том способны несколько дней не слезать с седла, переносить жажду, подобно их лошадям, славящимся этим и теперь, – словом, они представляли идеал кавалериста, умеющего одинаково драться на коне и пешком, рубить саблей, резать ножом, стрелять из лука и ружья...» [7, с. 189].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Предпосылками создания национальных воинских формирований в Русской армии являлись: экономическая целесообразность, поскольку использование национальных полков снижало финансовое бремя и расходы на ведение войны, так как они находились на самообеспечении и сформировывались только при угрозе войны, и политическая дальновидность органов власти и военного управления, поскольку привлечение национальных полков для службы в составе Русской армии, способствовало формированию системы общих социо-культурных ценностей.

Особенностями национальных полков было то, что по своей организации их конница являлась иррегулярной, не обладала единым вооружением и единой формой. Также не имела единой тактической организации и твердых штатов. Обучение и вооружение не имело строгой регламентации в юридических документах.

Национальные воинские формирования вносили посильный вклад в военных кампаниях России и к началу Отечественной войны 1812 г. не утратили своего значения в военной организации России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. IX. № 6890.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 38457-38506.
3. Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Саратов, 2005. 390 с. РГБ ОД, 61:05-7/546
4. Башкиры в наполеоновской Европе // Русский сборник / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2007. Т. 4.
5. Рахимов Р.Н. «Северные амурь»: взгляд очевидца // Ватандаш. 2001. № 4.
6. «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» И.И. Лепехина (1780-1790 гг.).
7. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.) - Элиста: 1991.
8. ПСЗРИ. Т. IX. № 6890.
9. Давыдов Д. В. Сочинения в трех томах. СПб., 1839. Т. 1.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 38457-38506.

E. Djesyupov

PREREQUISITES AND PECULIARITIES OF CREATION OF NATIONAL MILITARY FORMATIONS IN THE RUSSIAN ARMY ON THE EVE OF PATRIOTIC WAR OF 1812

Abstract. The article reviews the history of national military formations of the Russian army, peculiarities of their organization, and issues of arming, structure and military training. In this article the

national military formations are represented by the Bashkirs and Kalmucks who had been in the military service of the Russian army for a long period of time, and during the Patriotic war of 1812 were in the majority among foreigners who assembled their regiments to fight against Napoleon's France.

Key words: national military formations, the Bashkirs, the Kalmucks, irregular cavalry.

УДК 352.075

Галкин П.В.

МОСКОВСКОЕ ЗЕМСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ВВЕДЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ*

Аннотация. В статье исследуются мероприятия Московского земства по реализации правительственной программы введения всеобщего обучения. Благодаря совместному финансированию государства и земства в Московской губернии удалось сформировать трехверстную сеть школ. Однако увеличение размеров казённых дотаций сопровождалось ограничениями полномочий земств, что приводило к конфликтам в их взаимоотношениях с государственными структурами.

Ключевые слова: земство и всеобщее обучение.

Идея всеобщего обучения народа стала активно рассматриваться в правительственных структурах в начале XX века, когда последовательно было разработано несколько проектов, каждый из которых в той или иной мере предполагал существенное усиление контроля государства за деятельностью органов местного самоуправления в данной сфере. Параллельно с этими теоретическими разработками в Московском земстве проводилась масштабная практическая работа, нацеленная на достижение общедоступности начального образования. Расчеты, произведенные земцами, показали, что посещение школ напрямую связано с их удаленностью от места жительства учеников и посещаемость резко падает, если училище расположено на расстоянии свыше трех верст. Поэтому в масштабах всей губернии была разработана трёхвёрстная сеть училищ, призванная обеспечить общедоступность образовательных учреждений.

Для реализации поставленной задачи предполагалось устроить 277 новых училищ (т.е. более чем наполовину увеличить количество земских

школ), причём 3/4 затрат брало на себя губернское земство. Пособия и ссуды выдавались из специально образованного фонда, из запасных сумм и с процентов капитала добровольного страхования имущества. Уезды с наименьшими доходами ежегодно получали безвозвратные пособия на устройство и содержание новых училищ (в среднем по 288 рублей в год) [1].

В результате к началу XX века Московская губерния имела одни из лучших показателей грамотности сельского населения старше 8 лет: в ней насчитывалось 38,4% грамотных обоого пола (1900 г.), из которых 62,2% приходилось на долю мужчин и 17,1% – женщин [2]. И что знаменательно, 2/3 всех грамотных крестьян были выпускниками именно земских училищ [3].

Реальное завершение училищной сети в масштабах губернии произошло лишь к началу 1906/07 учебного года, когда количество школ увеличилось до 951 и первоначальные планы по обеспечению общедоступности начального образования были значительно превышены. Однако достичь стопроцентной посещаемости школ все-таки не удалось. Поэтому для выяснения вопроса, насколько в начальном образовании оказались удовлетворены потребности сельского населения, статистическое отделение губернской управы провело специальное исследование. В качестве критерия общедоступности было взято процентное отношение учащихся к общему числу детей школьного возраста. По данным на 1 сентября 1906 г., 90% крестьянских детей в возрасте от 8 до 10 лет посещало организованные школы (земские, фабричные, церковно-приходские и министерские). При расчете соотношения для четырёхгодичной группы (8, 9, 10 и 11 лет) процент учащихся детей уменьшался до 68%. Таким об-

* © Галкин П.В.